

Вэнь Чуо жил в 504-м, и арендная плата в таком захудалом здании была невысокой. Однако, к несчастью для него, как для человека, не имеющего нормальной работы и не имеющего цели, живущего каждый день без всяких дел, его арендная плата в основном поступала от мошенничества с Бай Яном. Как тяжело, должно быть, было и до сих пор остается такому идиоту, как Бай Ян, которому приходится так усердно трудиться ради собственной жизни, а также воспитывать такого жалкого человеческого существа, которое даже не знает, как жить самостоятельно.

Вэнь Чуо в этом году исполнилось девятнадцать, и, вспоминая его предыдущую жизнь, должно было пройти еще около двух лет, прежде чем семья Вэнь придет и заберет его обратно в семью. А это означало, что особой спешки не было. Он мог бы просто пойти по той же старой дороге, что и в его прошлой жизни, чтобы вернуть себе контроль над компанией, а до этого он просто продолжит жить так, как жил.

Только на этот раз, однако, когда он уйдет, он сначала позаботится о том, чтобы поселить идиота в безопасном месте, чтобы не дать ему убежать в никуда и заблудиться.

Вэнь Чуо не любил Бай Яна в своей прошлой жизни, и в этой жизни, ну, не то чтобы он ему тоже нравился. Он просто будет изо всех сил стараться относиться к нему как к своему брату, деля вместе богатство и славу.

Единственное, что он мог дать, это.....

В разгар лета было жарко до такой степени, что это было невыносимо. Только когда солнце начинало садиться, оно начинало слегка остывать, дул легкий ветерок, который беззвучно и неосознанно успокаивал сердца людей. Вэнь Чуо отпустил Бай Яна и, увидев разбросанные суммы денег в его руке, спросил с фальшивой улыбкой на лице:

“Эти деньги для меня?”

Бай Ян быстро в тревоге отдернул руку и засунул деньги обратно в карман. После этого он проигнорировал Вэнь Чуо и повернулся, чтобы направиться обратно к их зданию.

Вэнь Чуо последовал за ним, смеясь и говоря:

“Эй, эту твою дурную привычку быть скупым действительно нельзя изменить, да. Сколько это может быть денег, если ты будешь дорожить ими, как неизмеримыми семейными реликвиями.”

Он положил руку на плечи Бай Яна, но тот быстро сбросил ее. Однако Вэнь Чуо не возражал против этого, и он посмотрел в сторону, осматривая разбитый переулок, который был заполнен рекламой и одеждой, сушащейся на сушильных стойках за окнами. Когда дул ветерок, цветастые простыни танцевали на ветру, распространяя слабый запах стирального порошка, и в каждом доме здесь было примерно одно и то же.

Небо было прекрасно во всех своих цветах, так как оранжевый, красный, синий и фиолетовый сливались воедино. Наслаиваясь и наслаиваясь наружу, это была невыразимая красота, которую можно было увидеть глазами. Когда я стоял на лестнице, перегнувшись через перила, вид становился все более четким. Всего этого, такого рода пейзажей Вэнь Чуо не видел уже очень давно.

Как давно это было... казалось, прошло три года, тысяча и более дней и ночей.

Вэнь Чуо немного запыхался, поднявшись на пять лестничных пролетов. Он прислонился к перилам, не слишком желая двигаться. Бай Ян стоял перед своей квартирой и готовился открыть дверь, когда заметил Вэнь Чуо и подошел, чтобы оттащить его. С точки зрения Вэнь Чуо, он только почувствовал, как его рубашка натянулась, прежде чем он был вынужден отступить на пару шагов.

“Ах, ах, ах”, - сказал он, когда его оттащили назад, и он сказал после: “Что ты делаешь, что ты делаешь. Ты снова сходишь с ума”.

Слова Бай Яна были тяжелее золота:

“Опасно”.

Вэнь Чуо смущенно сказал:

“Что опасно?”

Бай Ян: “Путешествие к смерти”.

Вэнь Чуо улыбнулся и убрал руку Бай Яна от себя. Он разгладил рубашку и сказал:

“Путешествие к смерти? Я не смею умереть”.

Продержавшись всего два года, семья Вэнь будет принадлежать ему. Ему не пришлось бы жить в таком захудалом месте, и ему не пришлось бы вести жизнь бедняка. Почему он решил умереть?

Цвет глаз Бай Яна был действительно черным, а его кожа была очень белой. С его правильными и четкими чертами лица, если бы он не был идиотом, он был бы красивым парнем. Жаль, что его аура была немного подавленной и мрачной. Бай Ян снова схватил Вэнь Чуо, потянув его к своей квартире, и сказал с упрямым выражением на лице:

“Ужин”.

Вэнь Чуо не умел готовить, и у него не было денег на еду. Трехразовое питание, все они происходили от высасывания пиявок из Бай Яна. Искренне расточительство человеческого существа, столь редко встречающегося в этом мире, каким он был.

Вэнь Чуо держался за дверной косяк, не двигаясь с места:

“Ах, это просто будет снова жареная капуста с рисом. Я ел это столько раз, что меня чуть не вырвало. Даже если ты приготовишь немного водянистого отвара, это будет лучше, чем это.”

Вэнь Чуо чувствовал себя так, словно съел так много этой еды за столько лет, что одного ее запаха было бы достаточно, чтобы его вырвало. Он был по-настоящему напуган этими днями нищеты, действительно по-настоящему напуган. Кошмары, те времена, когда он не мог заснуть, все они напоминали бы о “старых добрых временах” прошлого. Постоянно думая и постоянно думая, да так сильно, что ему стало немного нехорошо.

Жить на небесах, а потом упасть прямо на грязную землю.

Было бы лучше, если бы он продолжал жить в аду, так как вкусы кислого, сладкого, горького, острого - все это было основано на сравнениях.

Бай Ян молча смотрел на него своими парой глаз, которые выглядели такими черными, и не отпускал Вэнь Чуо, вызывая мурашки по коже у последнего от его пристального взгляда. Вэнь Чуо не смог отмахнуться от него и в конце концов только расслабился, чтобы небрежно сказать:

“Хорошо, хорошо, хорошо, сначала иди приготовь ужин. Когда все будет готово, я приду. Я просто собираюсь принять душ. Провел почти весь день в интернет-кафе, мое тело покрыто потом.”

Бай Ян отпустил его и вошел в свою квартиру. Со “стучком” дверь закрылась.

Вэнь Чуо не рассердился. Вместо этого он прислонился к стене, чудесным образом рассмеявшись из ниоткуда, как будто чувствовал, что все это было слишком интересно. Он открыл дверь в свою квартиру, собираясь направиться в свою комнату, когда Сан-шен столкнулась с ним, когда спускалась с крыши, собрав свою одежду.

“Ах, ах, ах, Сяо Чуо, не заходи первым”.

Сказала Сан-шен, держа в руках свои простыни. Она плавной походкой подошла к нему, и на ее постаревшем лице все еще сохранились остатки ее юного очарования:

“Когда ты собираешься вернуть арендную плату за прошлый месяц, а? Ты все тянешь и тянешь, как ты можешь быть таким, когда ты так молод”.

Улыбка Вэнь Чуо сползла с его лица, и он пробормотал, открывая дверь своим ключом:

“Два дня, еще два дня”.

Мать Вэнь Чуо была милой женщиной, и ее отношения с соседями не были плохими. В сочетании с тем, как Сан-Шен видела, что ребенку, живущему самостоятельно, как Вэнь Чуо, было не слишком легко, она не слишком торопилась. Она только сказала:

“Тогда ты должен помнить. Не забывай об этом.”

Отношение Вэнь Чуо было очень хорошим:

“Конечно, конечно, это невозможно забыть”.

Красивый парень всегда радовал глаз, поэтому Сан-шен только улыбнулся и погладил его по голове, прежде чем уйти.

В доме Вэнь Чуо был довольно беспорядок, но так как там не было никаких ненужных предметов, все выглядело не так плохо, как могло бы быть в противном случае. Он бросил всю одежду, скомканную на его кровати, в корзину, чтобы уйти навсегда, а затем внимательно оглядел этот маленький, крошечный дом. Его окончательный вывод состоял в том, что определенно, естественно, лучше и комфортнее жить в настоящем доме, особняке, чем в этом.

На прикроватном столике тихо сидела фотография женщины. Она была красавицей, и за ней простирались обширные открытые поля за полями посевов, которые только еще больше подчеркивали ее в целом. Снимок сделан на частной винодельне, на обратной стороне фотографии было написано “Лю Руо Цин”, эти три слова и дата. Вэнь Чуо бросил на нее несколько взглядов, прежде чем перевернуть рамку с фотографией и сунуть ее в ящик.

Мозг этой женщины был не так уж велик, и она не была такой проницательной. Однако ее упрямство было выше, чем у обычного человека, и, разведшись с мужем из-за измены, она ушла со своим десятилетним сыном, даже не оглянувшись. Алименты на ребенка не были чеком на небольшую сумму, но на глазах у мерзавки она разорвала его на куски, чисто и быстро, без колебаний.

О Лю Руо Цин, что за женщина, которая все еще вела себя как богатая хозяйка. Как ее воспитывала семья, чтобы она не понимала мир, не знала боли и горечи борьбы за жизнь. У нее не было ни мозгов, ни сообразительности, только гордый вид. К сожалению, после того, как ее семья обанкротилась, у нее уже не было ни способностей, ни поддержки, чтобы быть гордой. Несколько лет бедности уже сломили ее и затоптали до смерти.

За оставшиеся ей десять или около того лет рядом с ней осталась только Вэнь Чуо, один человек.

Так что можно сказать, что Вэнь Чуо больше всего ненавидел идиотов. Этот был тупым, соседний тоже был тупым.

Подавленный, он пошел принять душ и переодеться, прежде чем отправиться к Бай Яну. Когда он вошел, то почувствовал запах готовящейся еды, и Вэнь Чуо оглянулся. Бросив быстрый взгляд на Бай Яна, нарезающего овощи на кухне, он лениво прошел дальше внутрь.

В доме Бай Яна было много вещей. Груда пластиковых бутылок, подобранных на улицах, расплющенных и втиснутых в большие пластиковые клетчатые пакеты, каждый из которых был сложен и разложен в углу. На древнем старом столе стояла большая коробка из-под обуви, в которой лежали очищенные крышки от бутылок, все они были призерами, и Вэнь Чуо считал, что их было трое или четверо.

На кухне Бай Ян жарил овощи, помешивая. Через мгновение после того, как он вставит его, раздастся треск и хлопки. В это время, с непринужденностью фамиллярности, Вэнь Чуо приподнял кровать и, без сомнения, прямо под матрасом лежала стопка юаней.

Этот идиот зарабатывал свои деньги в самых разных валютах. По привычке он собирал деньги до определенного момента, обменивал их на купюру в сто юаней, потом еще одну, а потом еще на округленную сумму. С этими словами он затем относил их в банк, накопив тысячу или две тысячи юаней. Но обычно до того, как его деньги попадали в банк, все они попадали в руки Вэнь Чуо.

Вэнь Чуо крикнул в сторону кухни,

“Эй, Бай Ян, одолжи мне немного денег. Я должен платить за аренду. Я верну их тебе позже.”

Звуки жарки немедленно прекратились, и Бай Ян выключил газ. Как стрела, он метнулся в спальню и схватил эти купюры из-под матраса. Он сунул их в карман, как будто они были ребенком в опасности, и покачал головой:

"Нет."

Вэнь Чуо фальшиво улыбнулся, сидя на краю кровати, его пара глаз цвета персика изогнулась в полумесяцы:

“Я не собираюсь не возвращать их. Это просто для того, чтобы покрыть эту чрезвычайную ситуацию, и я верну ее в десять раз, в сто раз больше суммы, одолженной позже”.

Бай Ян отступил на несколько шагов, все еще качая головой:

"Нет."

Вэнь Чуо думал, что Бай Ян был не только таким же тупым, как его собственная мать, но и таким же упрямым, как она. Это заставило его стиснуть зубы, и он подсознательно встал с кровати.

Бай Ян посмотрел на него настороженным взглядом. У него были густые ресницы, а эта пара черных глаз была такой красивой — они были похожи на рисунок тушью. Черное было черным, белое было белым, без единой примеси.

Такой необыкновенно чистый и непорочный.

Когда Вэнь Чуо делал шаг вперед, Бай Ян отступал на шаг. Вэнь Чуо снова шагнул вперед, и Бай Ян сразу же повернулся в сторону кухни.

“Эй, не уходи”

Вэнь Чуо оттащил его назад, а затем столь знакомыми действиями прижал к стене. Его тон был низким, с легким оттенком смеха, а также целенаправленно приправленным жалостью:

“Одолжи мне немного денег, я верну их тебе в будущем. Ты же на самом деле не хочешь, чтобы Сан-шен выгнала меня, правда?”

“Ты плохой человек, нет”.

Паника начала проявляться на обычно бесстрастном лице Бай Яна, и он протянул руки, как будто хотел оттолкнуть его. Но вместо этого Вэнь Чуо удержал его на месте и прижал спиной к стене:

“Чем я плох? Хмм?”

Вэнь Чуо обнял Бай Яна за талию, чувствуя, что она действительно такая тощая, такая тощая, что он мог чувствовать кости. Мозг Бай Яна отреагировал примерно через полминуты, и он начал сопротивляться, но Вэнь Чуо крепко обнял его.

Голос Вэнь Чуо был мягким и нежным, а уголки его рта медленно слегка приподнялись, вызывая завораживающую улыбку на его лице:

“Маленький дурачок, я знаю, что ты для меня самый лучший. Просто одолжи мне немного. Я обязательно верну их тебе. Или как насчет этого, я не вернусь в интернет-кафе. Ты хочешь, чтобы я пошел направо, я не пойду налево. Куда бы ты ни хотел, чтобы я пошел, я пойду туда. Я всегда буду тебя слушать, хорошо?”

Такого рода слова он произносил более десяти-пятнадцати раз, настолько, что знал их

наизусть, но не было ни одного случая, когда он действительно делал это.

Бай Ян не издал ни звука, но его борющиеся движения прекратились. Его чересчур длинная челка закрывала глаза, и он был очень похож на подавленного молодого красавца. Длинные пальцы Вэнь Чуо откинули волосы Бай Яна, и он наклонился, чтобы поцеловать его в щеки. Когда он лгал, его лицо не краснело, и сердце не билось быстрее:

“Я пойду искать работу завтра. Все, что я заработал, все проценты и все остальное, я верну тебе”.

А затем испытующе ощупал свои карманы. Бай Ян опустил глаза, чтобы посмотреть, но не сделал ничего, чтобы помешать ему. Тогда Вэнь Чуо понял, что он готов. Он улыбнулся еще более нагло, приподнял тонкий подбородок Бай Яна и поцеловал его в губы:

“Добрый Бай Ян, я знал, что ты лучший”.

Одна рука была обернута вокруг его талии, а другая скользнула в карман, успешно выманивая у Бай Яна его длинные, с трудом заработанные деньги.

[ЗЗЗТ...]

Как раз в это время рука Вэнь Чуо внезапно онемела, и пачка банкнот рассыпалась по полу. Сразу же после этого в его голове зазвучал странный электронный голос.

[Мой хозяин, привет. Эта серия действий нарушила правила системы. Это первое предупреждение. Второе предупреждение будет более серьезным, а третье немедленно отнимет у вас жизненные очки. Пожалуйста, цените эту жизнь, которая досталась вам не так легко.]

[Сильнейшая система галактики началась, и наша миссия и цель - быть самодостаточными, уверенными в себе и отказаться от того, чтобы быть содержанкой. Мой дорогой хозяин, плоды и усилия ваших собственных рук и тяжелой работы - самые сладкие из всех. Давайте станем сильными!!!]

Лицо Вэнь Чуо слегка изменилось, и он огляделся вокруг, но не обнаружил ничего необычного. Он только подумал, что бредит, и, увидев, что Бай Ян смотрит на него в замешательстве, улыбнулся, лаская его лицо:

“Хороший мальчик”.

А затем наклонился, чтобы поднять деньги.

[333Т...!]

А затем последовал еще один электронный удар, на этот раз более сильный, чем предыдущий. Ноги Вэнь Чуо задрожали, и он весь рухнул на пол. Он чувствовал мучительную боль, исходящую от всего его тела, и выражение его лица было потрясено до краев.

[Динь! Это действие нарушило самодостаточные правила системы. Пожалуйста, мой дорогой хозяин, берегите себя и серьезно относитесь к правилам этой системы. Если так пойдет и дальше, то третий раз напрямую отнимет у вас жизненные очки. Ваша жизнь, которая сложилась после многих трудностей, пожалуйста, убедитесь, что вы дорожите ею~]

Вэнь Чуо:

<http://bllate.org/book/17367/1629022>